

В московской библиотеке им. Некрасова показывают «Запрещенные книги»

Книга обернута в плотную крафтовую бумагу, на наклеенном на бумагу листочке название – «Архипелаг ГУЛАГ», наглухо запрещенный в СССР. Рядом – еще том с закрытой обложкой: «Крокодила» ребятам давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная

муть» – и подпись «Н.К. Крупская». Похоже, под бумагой – Корней Чуковский.

«Крокодил» после статьи Крупской выжил, но в 20-30-е пережил несколько запретов и разрешений, – рассказывает куратор выставки «Запрещенные книги», открывшейся в январе в библиотеке им. Некрасова, Екатерина Фадейкина, зав. отделом библиотечно-информационного обслуживания.

Трудной дорогой скакал и «Конек-Горбунок»: его запрещали в царской России из-за якобы сатиры на царя и Церковь, в советской России – в 1922-м из-за сцены, где народ упал перед царем на колени, и в 1934-м, когда цензоры увидели в Ванькиных приключениях карьеру сына деревенского кулака. А в 2007-м активисты из Татарстана попросили проверить сказку на экстремизм из-за слова «татарин», употребленного Ершовым как ругательное.

Идея исследовать тему запретов на писательские фантазии пришла в головы библиотекарей после знакомства с сайтом Американской библиотечной ассоциации, составляющей рейтинги книг, доступ к которым, по мнению заокеанских библиотекарей, учителей и

родителей, стоило бы ограничить – за несоответствие возрасту, жестокость, мат...

Обложки некогда потерпевших от цензуры и сейчас отобранных для выставки книг скрывались по воле дизайнеров под бумагой и лентой с надписью «запрещено», а имена цензоров и тех, кто подвигал последних на их черные дела, напротив, выносились на передний план – вместе с их мнениями и вердиктами.

– Мы упорно искали прямые цитаты, стараясь избегать косвенной речи, искали подтвержденные источниками персоны и конкретные учреждения, – говорит Екатерина Фадейкина.

В. Блум, заведующий театральной секцией реперткома МХАТ: «Пьеса представляет собой сплошную апологию белогвардейцев... то есть совершенно неприемлема» – это черным по белому написано на булгаковских «Днях Турбиных».

Министерство внутренних дел Франции – Министерству народного просвещения: «На пренебрежение господствующих начал всякого благоустроенного общества в романе Гюго «Отверженные» должно обратить внимание цензора».

«Одна из тех вредных, глубоко безнравственных книг, авторы которых рассчитывают на скандальную славу» – это цитата из обвинительного слова на суде над Шарлем Бодлером, наклеенная на запечатанную обложку «Цветов зла».

Больше всего, конечно, на стеллаже книг русских писателей, от Радищева до Рождественского, а главным олицетворением крамолы в глазах цензоров были, похоже, Ахматова и Пастернак – их имена поминаются в цитатах чаще других. Михаил Суслов утверждал, что от «Доктора Живаго» вреда было бы гораздо меньше, чем от романа Гроссмана «Жизнь и судьба».

Главной функцией библиотек всегда была просветительская. Сегодня, когда идеологические, религиозные и им подобные причины неиздания книг практически вытеснились причинами финансовыми, современникам стоит иногда напоминать былое. И

как же читатели откликаются на эти напоминания?

По словам Екатерины Фадейкиной, «Цветы зла» Бодлера месяцами стояли на полке недвижимы, а за время выставки о жизни и смерти все пять ушли в народ.

Андрей Васянин

